

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 39.29

Вещевой фонд Музея народов СССР в Российском этнографическом музее: опыт источниковедческого анализа

ИЗАБЕЛЛА ИОСИФОВНА ШАНГИНА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург
Доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник главной категории
отдела этнографии русского народа
e-mail: iz.schangina@yandex.ru

В статье проводится источниковедческий анализ трех вещевых коллекций Российского этнографического музея, включающих в себя памятники традиционной культуры народов Евразии, принадлежавшие до 1948 г. Государственному музею народов СССР в Москве.

Ключевые слова: этнографический музей, комплектование этнографического собрания, этнографическое источниковедение, этнографическая наука в России в период с 1860 по 1948 г.

UDC 39.29

The Monuments Fund of the Museum of the Peoples of the USSR in the Russian Museum of Ethnography: an Experience of a Source Study Analysis

PROFESSOR ISABELLA I. SHANGINA, D.Sc. (History)

Russian Museum of Ethnography, St Petersburg
Top-grade Researcher, Department of Ethnography of the Russian People
e-mail: iz.schangina@yandex.ru

The author carries out the source study analysis of three collections of monuments from the Russian Museum of Ethnography including the cultural artefacts of the peoples of Eurasia, which used to belong to the Moscow State Museum of the Peoples of the USSR up to 1948.

Key words: Museum of Ethnography, formation of an ethnographic collection, ethnographic source study, ethnographic science in Russia from 1860 to 1948.

Российский этнографический музей (РЭМ) в Петербурге в настоящее время обладает крупнейшим в мире собранием памятников традиционной культуры народов Евразии. Оно формировалось на протяжении более ста десяти лет

сотрудниками и корреспондентами музея, пополнялось экспонатами с выставок, принимало национализированные государством в 1920-е гг. частные коллекции, включало в свой состав собрания других музеев. В последние

годы, когда в этнографической науке стал активно проявляться интерес к музейным собраниям как главному источнику этнографических исследований в области материальной сферы традиционной культуры, перед Российским этнографическим музеем с особенной остротой встала задача источниковедческого анализа его коллекций. Необходимость этой работы обусловлена сложностью вещевого фонда музея, сформировавшегося на протяжении более ста лет, учеными, имевшими различные взгляды на предметную область этнографии и задачи музеев. Источниковедческий анализ предполагает изучение истории формирования фонда, работу по установлению фондообразователей, определение времени включения той или иной коллекции в собрание музея, выяснение способов и методов комплектования, критериев отбора памятников, способов регистрации их в музейное собрание, различных на разных этапах жизни музея.

В настоящей статье делается попытка проведения источниковедческого анализа трех коллекций вещевого фонда музея: № 8761, 8762, 8763. Под этими номерами были зарегистрированы предметы традиционного быта, входившие в состав собрания Государственного музея народов СССР в Москве, расформированного постановлением Совета Министров РСФСР за № 7756 от 15 июля 1948 г.¹. Оно было передано ему приказом Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров СССР № 203 от 10 августа 1948 г.². Это было самое крупное и замечательное поступление экспонатов в Российский этнографический музей за все годы его существования. По официальным документам в Российский этнографический музей было передано 88 621 ед. хр. вещевых памятников и иллюстративных материалов (фотографий, рисунков). В настоящее время в РЭМ хранится 69 510 ед. хр. вещевых памятников и 5563 ед. хр. фотографий, рисунков³.

История Государственного музея народов СССР началась с организации в Москве осенью 1867 г. Дашковского этнографического музея при Московском Публичном и Румянцевском музеях⁴. Инициаторами его создания были члены Императорского общества любителей изучения естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) при Московском университете: А.П. Богданов (1834–1896), Г.Е. Шуровский (1803–1884), Н.А. Попов (1833–1891), Н.Г. Керцелли, Н.К. Зингер и др. Свое название музей получил в честь В.А. Дашкова (1819–1896), помощника попечителя Московского учебного округа, поддержавшего инициативу ученых и выделившего деньги на приобретение его пер-

вых экспонатов. Ученые ИОЛЕАЭ определили профиль нового музея как музея этнографии народов Российской империи и «родственных ей стран»; сформулировали его задачи: «распространять в массе сведения по изучению человека, познакомиться ее с представителями разнообразного населения России и родственных ей стран, возбудить интерес к изучению их населения и быта»; разработали концепцию комплектования музейного собрания⁵.

При разработке концепции ученые опирались на господствовавшие в первой половине – середине XIX в. представления о назначении музеев и предметной области только еще зарождавшейся этнографической науки. Они считали главной задачей музеев служение «великому делу культурного подъема и просвещения новых поколений русского народа», распространение «в народе образования простою наглядкою, высказывая предмет с самой привлекательной стороны и не требуя сначала никакой научной подготовки, музеи равно доступны для всякой степени понимания, нечувствительно развивая при этом любознательность». Объектом же изучения этнографии, по их мнению, являлся «род человеческий в его разновидностях – народных», а предметом – выявление его специфических черт: «Чем один народ отличается от другого в своем складе и быте, в своих способностях, расположениях, потребностях и привычках, в своих нравах и понятиях»⁶.

На основе этих общих положений были разработаны методы и принципы отбора памятников. Авторы концепции считали необходимым приобретать в музей только предметы «характеристичные», т.е. традиционные для данного народа, при этом полагали, что предпочтение следует отдавать вещам старинным, потому что они «не испорчены нововведениями и украшениями»⁷, и, следовательно, в них лучше выявляются «особенные свойства народности». В то же время рекомендовалось отбирать из живого народного быта по преимуществу вещи «зрелищные, картинные», которые будут более понятны и интересны «неискушенной в науках публике». Экспонаты, по мнению авторов концепции, должны приобретать для музея специалисты в «учено-художественных экспедициях». Однако вполне возможно, как они считали, и приобретение их через содействие губернской и уездной администрации, губернских статистических комитетов и частных лиц – «жертвователей».

К моменту организации Дашковского этнографического музея в Московском Публичном и Румянцевском музеях уже имелось около 740 памятников традиционной культуры народов

Российской империи. Это были отдельные предметы, принадлежавшие русским, украинцам, татарам, горцам Дагестана, калмыкам, якутам, бурятам, а также два манекена в костюмах «остяка и самоеда». История их приобретения пока не выяснена. Известно только, что костюмы были получены после закрытия Всероссийской выставки сельских произведений, состоявшейся в 1864 г. в Москве, а остальные вещи уже были в музее в 1863 г.⁸

Первой крупной коллекцией, послужившей основой собрания Дашковского этнографического музея, была коллекция экспонатов Русской этнографической выставки, проходившей в Москве с 23 апреля по 19 июня 1867 г. Она была организована по инициативе А.П. Богданова и его коллег по ИОЛЕАЭ. В состав Дашковского этнографического музея экспонаты Этнографической выставки вошли целиком. Это были костюмы, предметы одежды, домашнего и хозяйственного быта почти всех народов Российской империи и многих славянских народов Западной и Южной Европы. Всего в фонд музея поступило 274 костюма, надетые на антропологически точные манекены, 165 костюмов и некоторое количество отдельно взятых предметов одежды, 1094 предмета домашнего быта, 72 музыкальных инструмента, 70 макетов различных построек: жилых зданий, церквей, амбаров, 297 моделей сельскохозяйственных орудий и инструментов ремесленников, 60 лубочных картинок, 1600 фотографий и литографий. Всего с выставки в музей было передано 3500 номеров, считая, в том числе и 293 манекена⁹. Большая их часть была собрана при помощи Губернских статистических комитетов или получена в дар от частных лиц – «жертвователей, дарителей». Некоторые из предметов были приобретены во время экспедиций членов ИОЛЕАЭ¹⁰.

Эта коллекция полностью отвечала требованиям, которые предъявляли ученые к этнографическому собранию. Все ее вещи были «характеристичными» для того народа, который представляли. Все они были подлинными памятниками. По словам В. Максимова в коллекции невозможно было увидеть «какой-нибудь шелковый сарафан, который шила себе губернаторша для маскарада и применяла покрой его к своему вкусу руками модистки, учившейся на Кузнечном мосту у французенки»¹¹. Основную часть ее составляли костюмы и предметы одежды, датированные в основном концом XVIII – началом XIX в., т.е. временем, когда, по предположениям ученых, они сохраняли еще свою самобытность и не были испорчены веяниями нового времени. Преобладание костюмов было обусловлено, прежде всего, тем, что они, как счи-

тали ученые, отличаясь «своеобычностью и зрелищностью», наиболее ярко характеризовали народ, позволяя увидеть его «внешний и внутренний мир», и к тому же должны были нравиться «неискушенной публике». На выставке были также и предметы современного организаторам выставки быта, но они были тщательно проверены на предмет их «характеристичности».

В последующие годы комплектование собрания Дашковского этнографического музея шло очень медленными темпами в связи с его плохим финансированием. Московский Публичный и Румянцевский музей находился в ведении Министерства народного просвещения – самого бедного в Российской империи, которое не имело возможности выделять достаточное количество денег для его нормальной работы. На протяжении многих лет, начиная с 1869 на приобретение экспонатов «и удовлетворение ученых потребностей» выделялось ежегодно 14 000 руб.¹², что представляло собой совершенно мизерную сумму, особенно если учесть, что деньги шли не только на нужды Дашковского музея, но и на нужды других отделов. Организация «учено-художественных» экспедиций за счет музея для приобретения экспонатов поэтому полностью исключалась. Коллекции приобретались на деньги, выделявшиеся почитателями музея, или пополнялись за счет даров. Однако следует заметить, что дары подносили люди, понимавшие специфику этнографического собрания. В основном это были люди, связанные с музеем: археологи, фольклористы, любители и знатоки народной культуры, объединившиеся вокруг таких научных обществ как ИОЛЕАЭ, Императорского русского географического общества (ИРГО), Московского общества истории и древностей российских (МОИДР) и пр.

Следует отметить, что во второй половине 1860-х и в 1870-е гг. музей пользовался большой популярностью у московской публики и полностью выполнял свою просветительскую задачу.

В конце 1870–1890-е гг. в связи с развитием этнографической науки и возросшим интересом к материальной сфере народной культуры преимущественная направленность Дашковского этнографического музея на решение просветительских задач перестала удовлетворять этнографов. Музей, по их мнению, должен был стать научным центром, а его собрание – базой источников для этнографических исследований. Впервые мысль о том, что памятники культуры могут быть использованы в качестве «вещевых документов» в научных исследованиях, отчетливо прозвучала при подготовке Этнографического отдела Антропологической выставки

1879 г., организованной ИОЛЕАЭ по инициативе А.П. Богданова и Н.А. Попова (1833–1892). Экспонаты этой выставки, по мнению ее устроителей, должны были «дать новый научный материал, подвинуть наши знания в области антропологических вопросов, касающихся России, или состоящих с ними в связи»¹³. Необходимость превращения Дашковского этнографического музея с его богатыми коллекциями из музея только просветительского в научный центр видели такие ученые, как Е.В. Барсов (1836–1917), с 1882 по 1885 г. хранитель Дашковского музея, сменивший его на этой должности В.Ф. Миллер (1848–1913), проработавший хранителем почти 12 лет, А.Н. Пыпин (1833–1904), Д.Н. Анучин (1843–1923), И.Н. Смирнов (1856–1904), Ф.И. Буслаев (1818–1897), И.Е. Забелин (1820–1908). Особенно четко эта мысль прозвучала в статье хранителя музея Е.В. Барсова «Значение Дашковского этнографического музея и его задачи», опубликованной в 1884 г.¹⁴.

Изменение задач музея и восприятие хранящихся в нем памятников как «вещевых документов» для исследований в области этнографии привело к некоторому изменению правил комплектования его коллекций. В собрание, как и раньше, должны были поступать вещи, демонстрирующие «своеобычность» того или иного народа, его «внешний и внутренний облик». Их необходимо было собирать таким образом, чтобы «правдиво и всесторонне» охарактеризовать народы и показать «первичные ступени их доисторического развития». При этом считался обязательным сбор информации о приобретаемой для музея вещи или группы вещей, что было сравнительно новым. Если в 1860-е гг. необходимо было записать только место бытования предмета, то теперь требовалось узнать также его точное название, назначение в бытовом обиходе и описать жизнь народа, у которого он приобретается. При этом «зрелищность» не была обязательной для принятия вещи в музей: необходимо было обращать внимание, прежде всего, на ее научную значимость. Новшеством в отборе памятников было также и то, что вещи предлагалось отбирать сериями, т.е. собирать одинаковые по значению и общему облику предметы, отличающиеся друг от друга лишь некоторыми деталями конструкции, формы, материала или орнаментации. Считалось, что такой подбор экспонатов может быть интересным для науки, так как позволит проследить изменение культуры народа во времени, ибо вещи простые, по мнению ученых, относились к более ранним формам культуры, чем сложные.

Научное собрание памятников, по мнению этнографов, должно было комплектоваться спе-

циалистами во время «ученых поездок» – экспедиций или корреспондентами – людьми, живущими среди изучаемого народа, подготовленными для этой работы этнографами. При сборе экспонатов рекомендовалось использовать программу «Общий план этнографических коллекций на Антропологической выставке», составленную Н.А. Поповым и А.П. Богдановым, которая в основных своих чертах повторяла программу Русской этнографической выставки 1867 г.

Однако осуществить планы по переустройству Дашковского этнографического музея и преобразованию его собрания было сложно. Финансирование музея оставалось прежним, надежд на его улучшение не было, в музее, как и раньше, работал один штатный хранитель. По словам А.П. Богданова, мечта о научном комплектовании напоминала мечту бедняка о покупке замка в Испании.

В то же время необходимость в вещевых памятниках как источниках научных знаний была довольно велика, так как изучение материальной сферы культуры выходило постепенно на первый план в этнографических исследованиях¹⁵. Это послужило стимулом для многих ученых, занимавшихся этнографией и фольклористикой, к участию в комплектовании музейного собрания. Особенную активность стало проявлять в этом плане ИОЛЕАЭ, в устав которого был записан этот вид деятельности. Члены общества собирали коллекции для музея во время «ученых поездок», организованных на деньги общества или его покровителей. Вещи поступали фактически из каждой экспедиции, им организованной. Свидетельством этому были ежегодные отчеты о «ученых поездках», публиковавшиеся в журнале Общества «Этнографическое обозрение». Д.Н. Анучин в 1908 г. даже утверждал: «Этнографические коллекции в Румянцевском музее есть труд и дар нашего общества»¹⁶.

Активным собирателем коллекций в 1880–1890-е гг. был этнограф и археолог Н.Н. Харузин (1865–1900). Его поездки в Крым (1886, 1888, 1889), на Кавказ (1886, 1891), в Олонецкую и Архангельскую (1888), Вятскую, Пермскую (1890), Эстляндскую (1892), Рязанскую и Нижегородскую (1897) губернии всегда были полезными для музея¹⁷. Н.А. Иваницкий (1847–1899), чиновник земских управ Вологодской губ., в 1890–1892 гг. собрал в деревнях Вологодского края коллекцию в 180 экземпляров, состоявшую из орудий труда, их моделей, домашней утвари, детских игрушек и отдельных предметов одежды. Экспонаты, переданные им в музей, представляли, в большинстве своем, типичные предметы

современного быта и хорошо прочитывалась в контексте народной культуры, благодаря публикациям их собирателя¹⁸.

Достоинством коллекций, собранных членами Общества, являлось то, что входившие в их состав вещи в большинстве своем были сравнительно хорошо аннотированы или, во всяком случае, сведения о них можно было найти в публикациях статей ученых. Среди представителей «ученого сообщества» выделялись своими дарами А.М. Раевская (1820–1883), член-корреспондент Московского археологического общества, подарившая музею более ста предметов быта ижор, сету, евреев; латышский этнограф-фольклорист Ф.Я. Трейланд (1846 – после 1891) передал в музей 36 предметов одежды латышей, собранных во время этнографической экспедиции 1869 г. в Лифляндскую, Курляндскую и Витебскую губернии; историк, социолог и этнограф М.М. Ковлевский (1851–1916) подарил 33 предмета быта хевсур; казахский этнограф и фольклорист Ч.Ч. Валиханов (1835–1865) привез коллекцию по быту казахов и киргизов. Экспонаты, приобретенные на собственные деньги, передавали директора Московского Публичного и Румянцевского музеев: Д.С. Левшин (1864–1867), В.А. Дашков (1867–1896), М.А. Веневитинов (1896–1901), хранители Дашковского этнографического музея Н.Г. Керцелли, сменившие его на этой должности в 1882 г. Е.В. Барсов, затем – с 1885 г. В.Ф. Миллер, а с 1897 г. Н.А. Янчук, а также хранители других отделов Московского Публичного и Румянцевского музея.

Сравнительно велики были также и «подношения сочувствующего просвещенного общества». Среди «жертвователей» были императоры и члены императорской фамилии: Александр II, Александр III, императрица Мария Федоровна, великие князья Владимир Александрович (почетный попечитель музея с 1867 г. по 1909 г.), Николай Михайлович.

Кроме того в эти годы стало довольно много поступать экспонатов от частных лиц: государственных чиновников, работавших на Кавказе, в Сибири и Дальнем Востоке, на только что присоединенных землях Средней Азии; священников, занимавшихся миссионерской деятельностью среди «инородцев-язычников»; школьных учителей и др. Это было вызвано общим интересом к «своеобычной» культуре народов Российской империи, возникшем в обществе в 1880–1890 гг.

Среди государственных чиновников, служивших на окраинах Российской империи, были, например, П.П. Шимкевич (1862–1920) – чиновник по особым поручениям в Приамурском

крае, активно интересовавшийся жизнью местных народов, который передал в дар коллекцию ритуальных предметов чукчей, орочей и нанайцев; Н.П. Ситковский (1829–1890) – чиновник Главного управления Кавказского наместничества, дар которого состоял из 50 предметов, характеризовавших культуру народов Кавказа и 35 курдских вещей; Н.А. Веревкин – наказной атаман Уральского казачьего войска (1865–1873), собравший коллекцию костюмов калмыков; А.Е. Олоровский, российский консул (1876–1881) в Нагасаки, передавший в 1877 г. в музей 78 предметов по быту айнов: орудия рыбной ловли, ткачества из луба, мужские и женские костюмы, музыкальный инструмент и один ритуальный предмет – инау. В 1883 г. была получена музеем коллекция из 8 предметов от горного инженера И.А. Лопатина, собранная им в 1867 г. на Сахалине, а в 1902 г. старший смотритель одного из округов Сахалина П.П. Вержбинец передал коллекцию из 102 экспонатов по быту айнов южной части Сахалина¹⁹.

Однако коллекции, собранные людьми, не обладавшими специальными знаниями, зачастую не отвечали тем строгим требованиям, которые предъявлялись учеными к отбору памятников в «научное собрание». Некоторые из них были второстепенными для предметного мира народа, а иногда и просто случайными; зачастую не имели развернутых аннотаций, и их использование в повседневном быту и ритуальной практике оставалось неизвестным. Во многих случаях отсутствовало даже указание на место бытования вещи и ее принадлежность тому или иному народу. Однако они принимались в Дашковский этнографический музей с благодарностью, потому что, по словам В.Ф. Миллера, «всякое даяние есть благо».

Следует также отметить, что в 1880-е гг. собрание музея пополнилось за счет передачи в него коллекций Этнографического отдела Антропологической выставки 1879 г., переданных после ее закрытия в Музей прикладных знаний. Это произошло по инициативе В.Ф. Миллера, который совмещал должность хранителя Дашковского музея с работой в Музее прикладных знаний. В Дашковский музей в 1886 г. поступило 170 экспонатов по культуре русского народа (великорусов), в 1896–1897 гг. – еще 12 манекенов в костюмах и 900 предметов быта²⁰.

В наступавший XX в. Дашковский этнографический музей входил с лучшим в стране собранием памятников традиционной культуры народов Российской империи. Оно состояло из 12 000 предметов народного быта, 293 манекенов в костюмах народов Российской империи и огромного количества фотографий. В.Ф. Миллер

в 1895 г. давал ему такую оценку: «...перед глазами зрителей здесь наглядная география России и тяготеющего к ней славянства, со всею бытовою обстановкою каждого народа, с предметами его занятий, религиозного культа, со всею широтою костюма и разнообразием типов»²¹. Однако ученые отмечали, что, несмотря на все их старания, оно не может удовлетворить требования современной этнографической науки. В.Ф. Миллер писал: «...чем больше развивается этнографическая наука, тем больше и яснее сказываются его недостатки, не позволяющие ему быть на высоте своего назначения»²². Ими были случайность и неполнота коллекций, неравномерность отражения в вещевом собрании предметного мира многих народов и территорий, сомнительность некоторых вещей, отсутствие хороших легенд к большинству экспонатов.

Первое десятилетие XX в. было чрезвычайно плодотворным для Дашковского этнографического музея, который с 1886 г. получил название Этнографический отдел с отделением иностранной этнографии Московского Публичного и Румянцевского музеев. Следует особо отметить темпы его комплектования, прекрасное качество поступавших вещей, снабженных в большинстве своем хорошей легендой.

Ежегодно в музей стало поступать в среднем около 500 предметов в год вместо 100–150 в 1860–1880-е гг.; в 1909 г., например, принято было 800 экспонатов, в 1910 – 715. Необычайно высоким был прирост коллекций в 1913 г. – 5800 предметов²³. При этом коллекции собирались по преимуществу в экспедициях этнографов и фольклористов, организуемых ИОЛЕАЭ. Многие из них были учениками В.Ф. Миллера, людьми понимавшими значимость вещественных памятников для этнографической науки и хорошо усвоивших «правила научного собирательства». По комплектованию коллекций музея особенно активно работали хранитель Дашковского музея Н.А. Янчук (1859–1921), помощник хранителя В.В. Богданов (1868–1949), известные этнографы В.Н. Харузина (1866–1931) и ее брат А.Н. Харузин (1864–1932), фольклорист А.Д. Григорьев, в 1899–1901 гг. записывавший былины в Архангельской губернии – в Поморье на рр. Пинеге, Мезени и Кулое; братья Ю.М. Соколов (1889–1941) и Б.М. Соколов (1889–1930), собиравшие фольклор в 1908–1909 гг. в Белозерском крае Новгородской губ.; Е.Н. Елеонская (1873–1951), совершившая свою первую экспедицию в 1904 г., а затем с 1907 по 1913 г. передавшая 350 экспонатов и другие в дальнейшем²⁴. Интересной была также коллекция из 44 предметов ламаистского культа, переданная в музей в 1909–1910 гг. генерал-губернатором Приамур-

ского края Н.И. Гродековым (1843–1913). В 1913 г. после смерти этнографа С.К. Кузнецова была передана его коллекция марийских, мордовских, чувашских и татарских вещей, собранных в многочисленных этнографических поездках по Поволжью и Прикамью (500 экземпляров).

Поступавшие из экспедиций материалы сопровождалось подробными аннотациями, которые обычно публиковались в «Этнографическом обозрении». В 1910 г., например, А.А. Кривицкий передал в музей коллекцию крашенных яиц-писанок из Подольской губернии, приложив к ней текст с народным названием орнаментов²⁵. Фольклорист Н.Ф. Яковлев доставил в музей с Дона старинный женский костюм, опубликовав в «Этнографическом обозрении» сведения, собранные о нем, а также подробную информацию о старинной и современной одежде донских казаков с указанием материала, покроя, украшений, способов ношения, народных названий²⁶. Е.Н. Елеонская, собирая для музея коллекции, всегда помещала на страницах журнала свои наблюдения по материальной и духовной культуре в связи с привезенными экспонатами²⁷.

Самыми большими коллекциями, влившимися в состав музейного собрания в это время, была коллекция экспонатов Политехнической выставки 1872 г., хранившаяся в Музее прикладных знаний, и экспонаты Камчатской комплексной экспедиции 1909–1911 гг. Поступление из Музея прикладных знаний современники оценивали так: «Это самое обширное по размерам и важное по ценности приращение Этнографического музея после 1867 г.»²⁸. Коллекция включала 53 манекена в традиционных костюмах народов Средней Азии и 10 000 предметов их быта. Она была собрана в 1870–1871 гг. при покровительстве и финансировании Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана (1818–1882) по программе, составленной ИОЛЕАЭ. Большую роль в ее комплектовании сыграл зоолог А.П. Федченко (1844–1873), координировавший работу по сбору экспонатов, которой занимались представители местной интеллигенции и местные чиновники.

Камчатская комплексная экспедиция, организованная ИОЛЕАЭ по инициативе и при финансировании промышленника Ф.П. Рябушинского (1884–1910), работала на Камчатке и Алеутских островах. Руководителем ее этнографического отряда был известный этнограф В.И. Иохельсон (1855–1937), который занимался также и археологическими раскопками. Всего было собрано 3290 археологических и этнографических памятников, из них свыше 700 предметов быта алеутов, ительменов, коряков и эвенов. Осенью 1911 г. коллекция была передана

в Этнографический отдел Музея, где была выставлена в 1913 г. на обозрение²⁹. В.В. Богданов, помощник хранителя Дашковского музея, очень высоко оценивал коллекцию В.И. Иохельсона. Он считал, что она может служить образцом для всех коллекций, «ставящих своей целью осветить настоящее и прошлое народа». Ее достоинства он видел в том, что она включала в себя предметы современного быта и археологические памятники, позволяя проследить эволюцию культуры народов, живущих «на этническом мосту из Азии в Америку»³⁰. Коллекция В.И. Иохельсона также не была «немой». Ученый обладал большим количеством сведений о предметном мире алеутов и аборигенов Камчатки, которые он рассчитывал внести в документы при обработке коллекции. Однако это ему не удалось выполнить из-за отсутствия денег на публикацию и последовавшей в 1917 г. его эмиграции в Америку. Имеется только каталог его коллекций, составленный В.В. Богдановым³¹. В начале XX в. так же, как и раньше продолжал проводиться отбор памятников с выставок. В музей поступили экспонаты со Всемирной художественной, промышленной и земледельческой выставки (Париж, 1900), с Международной выставки исторических и современных костюмов и их принадлежностей (Петербург, 1902–1903), с выставки «Детский мир» (Петербург, 2 ноября 1903 – 25 января 1904 г.), с Орловской областной земской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки (1903), с выставки «Игрушка прошлого и настоящего» (Москва, 1909).

Подводя в 1912 г. итоги собирательской деятельности Дашковского этнографического отдела, его хранитель Н.А. Янчук писал: «Дашковский музей <...> представляет собою довольно полную и систематическую картину жизни народов России и Славянских земель <...> Этой сравнительной полнотой и систематичностью обуславливается и значительная научная ценность собраний этнографических собраний музея. Благодаря этому Дашковский этнографический музей за истекшее 50-летие приобрел почетную известность не только в русской, но и в европейской науке»³². Московские этнографы называли Дашковский музей «лучшим образцом этого рода учреждений у нас в России, драгоценным наглядным пособием для изучения материального быта русского населения России, западных и южных славян и наших инородцев»³³. На 1 января 1913 г. в составе Дашковского этнографического музея имелось 50 360 экспонатов: вещей, фотографий, рисунков, литографий, моделей, из них вещевых памятников 21 000, не считая 359 полных костю-

мов, надетых на манекены. Собрание давало представление о традиционном быте 55 народов Российской империи и 15 славянских народов, живших за ее пределами. При этом более половины собрания представляло собой экспонаты по быту великорусов, малорусов и белорусов³⁴.

Самой большой проблемой этого замечательного музея было обеспечение сохранности экспонатов. Огромные по тому времени коллекции располагались в помещениях общей площадью 800 кв. м, выделенных музеем еще в 1867 г. в Пашковом доме – памятнике архитектуры конца XVIII в., находившемся к тому же в аварийном состоянии. Ф.В. Миллер еще в 1890-е гг. писал, что для хранения экспонатов необходимо помещение в два с половиной раза больше, чем имеется. Однако новое помещение не удалось получить даже к пятидесятилетию юбилею Румянцевского музея, торжественно отмеченному в январе 1913 г. Выходом из положения тогдашние хранители этнографического отдела Н.А. Янчук и В.В. Богданов стали считать выделение Этнографического отдела с отделением иностранной этнографии из состава Московского Публичного и Румянцевского музея и организацию на их базе самостоятельного Этнографического музея³⁵. В 1910–1911 гг. В.В. Богданов, поддержанный директором Румянцевского музея И.В. Цветаевым (1847–1913), приступил к разработке проекта этого музея.

Идея создания Этнографического музея получила свое развитие в 1918–1924 гг. Это было время преобразований российских музеев, проходившее под руководством Отдела по делам и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе РСФСР, который с января 1922 г. стал называться Главным управлением научными художественными и музейными учреждениями (Главнаука) Академического центра (Акцентра) Наркомпроса РСФСР. Оно шло при поддержке и активном участии многих сотрудников музеев. В январе 1918 г. В.В. Богданов, Н.А. Янчук и их коллеги по Румянцевскому музею А.К. Виноградов (1888–1946), Ю.В. Готье (1873–1943), А.С. Петровский (1881–1959) и Н.П. Киселев (1884–1965) обратились в совет Румянцевского музея с предложением о создании на его базе национальной библиотеки, Этнографического музея и еще нескольких музеев. Оно было поддержано известными учеными Д.Н. Анучиным (1843–1923), Б.Ф. Адлером (1874–1942), М.Н. Сперанским (1863–1938), Л.Я. Штернбергом (1861–1927), Д.Т. Яновичем (1879–1940), А.Н. Максимовым, Б.А. Куфтиным (1892–1953), Б.М. Соколовым (1889–1930), Н.Г. Машковцевым (1887–1962) и В.И. Иохельсоном.

Решение Наркомпроса о расформировании Румянцевского музея было вынесено 8 апреля 1921 г.³⁶, а 28 мая 1924 г. вышло постановление Главнауки РСФСР о создании Этнографического музея с названием Государственный центральный музей народоведения (ЦМН). Для музея в конце 1923 г. была выделена Мамонова дача – усадьба XVIII в. на Воробьевых горах, включавшая в себя дворец и пристроенное к нему специально для музея здание, а в 1927 г. был передан расположенный недалеко от него Нескучный дворец. Общая площадь, предоставленная Центральному музею народоведения, составляла 6000 кв. м, что было вполне достаточно для размещения коллекций и экспозиций³⁷. Музей имел большой штат – 37 сотрудников, большая часть которых обладала опытом этнографической работы. Его возглавил этнограф и фольклорист Б.М. Соколов, заведующим Русским отделом стал В.В. Богданов, Славяно-литовским – П.П. Свешников (1895–1943), Угро-финским – М.Т. Маркелов (1899–1937), Кавказа – Н.Ф. Яковлев (1892–1974), Средней Азии – Б.В. Миллер (1877–1956), Сибири – Б.А. Куфтин.

Коллекции Этнографического отдела Румянцевского музея составили, естественно, основу собрания Центрального музея народоведения. При этом в него перешли не только экспонаты Дашковского этнографического музея, но и отделения иностранной этнографии. На момент передачи значилось 30 000 предметов. Сюда же была передана из Политехнического музея коллекция из 4000 предметов, характеризующих традиционное воспитание детей у народов Российской империи: колыбели, приспособления для обучения детей ходьбе, каталки, стульчики, скамеечки, утварь для кормления детей, игрушки и пр. Основу этой коллекции составляли экспонаты, приобретенные врачом Е.А. Покровским (1834–1895) для Антропологической выставки 1879 г. После передачи вещей в Политехнический музей она постоянно пополнялась новыми экспонатами. Через семь лет после закрытия выставки Е.А. Покровский с удовлетворением писал: «В настоящее время собранные <...> предметы дают достаточно полные и общие представления о состоянии физического воспитания русского ребенка и, отмечая все своеобразное и оригинальное, в общих чертах касаются воспитания детей других народов и даже разных времен»³⁸. В музей были переданы также 2500 экспонатов из Государственного Исторического музея, которые после его реорганизации в 1921–1924 гг. оказались не соответствующими профилю музея. В собрание нового музея вошли также 5000 предметов из хранилищ Государственного музейного фонда – структурного под-

разделения органов управления музейным делом, занимавшегося хранением и перераспределением между музеями национализированных государством частных коллекций, а также некоторое количество экспонатов Строгановского училища технического рисования, расформированного в 1920 г., и Военно-исторического музея³⁹. Собрание музея значительно расширилось после поступления в него экспонатов Всесоюзной сельскохозяйственной и промышленной выставки в Москве, состоявшейся в августе-октябре 1923 г. Этнографические экспонаты были переданы из павильона «Домоводство и народный быт», в котором демонстрировались предметы традиционного быта народов СССР, из отдела «Современная и новая деревня», представлявшего собой музей под открытым небом с девятью перевезенными из деревень русскими крестьянскими усадьбами и одной украинской. Всего в музей поступило 5779 экспонатов: 4748 – из отдела народного быта и 1034 – из отдела «Современная и новая деревня». Все этнографические памятники для Сельскохозяйственной выставки были собраны этнографами: Д.Т. Яновичем (1879–1940), осуществлявшим также общее руководство работой по сбору экспонатов, Е.М. Шилингом (1892–1953), Н.И. Лебедевой (1894–1978), Б.М. Соколовым, Д.А. Золотаревым (1885–1935), Е.Э. Бломквист (1890–1956), Н.П. Гринковой (1895–1961) и др. с соблюдением всех правил научного комплектования, принятых в этот период времени в этнографических музеях. Коллекция включала в себя сельскохозяйственные орудия, инструменты ремесленников, средства передвижения, домашнюю утварь и т.п., бытовавшие в первые пятнадцать лет XX в. Это значительно обогатило вещевые фонды музея, в которых преобладали предметы одежды, праздничного и бытового обихода, относящиеся в основном к довольно раннему для этнографии пласту традиционной культуры (конец XVIII – первая половина XIX в.).

По принятой в начале 1920-х гг. системе Центральный музей народоведения был отнесен к категории историко-этнографических музеев, занимающихся научными исследованиями в области этнографии и ведущих на их базе работу по приобщению народных масс к культурному наследию и творческой деятельности. Такое направление его работы было научно обосновано и отражало передовые тенденции развития музейного дела первой четверти XX в.

Исходя из этого положения, были определены основные задачи музея на 1920-е гг. Они состояли в создании «научных экспозиций, которые должны были базироваться на «научно

достоверном» собрании экспонатов и широкой исследовательской работе⁴⁰.

Концепция комплектования была разработана В.В. Богдановым, Б.А. Куфтиным и Б.М. Соколовым и нашла свое отражение в их статьях. В ее основе лежало представление о том, что музейное собрание является одним из важных источников научных исследований в области этнографии и просветительской деятельности музея, а вещественные памятники культуры равноценны по своей значимости с письменными документами. Б.А. Куфтин утверждал: «Сравнительный анализ и сопоставление фактов культуры дает достаточно прочные результаты, если исследуются и сравниваются сами объекты культуры, т.е. подлинные памятники»⁴¹. Б.М. Соколов полагал, что только вещь дает возможность этнографу понять и раскрыть «удивительный мир народной культуры».

По их мнению, свою роль как источника научных знаний и просветительской деятельности музейные коллекции могут выполнять только в том случае, если они «правильно» собраны. Под этим подразумевалось, что каждая вещь, поступавшая в музей, должна «нести» и сведения о своей жизни в народном быту, т.е. сопровождаться легендой. Она должна включать в себя местное название предмета и его частей, его использование в повседневном, праздничном или обрядовом обиходе, время изготовления, место бытования, указание его принадлежности к определенному народу или этнической группе народа⁴². Собрание таких «полных жизни» экспонатов можно было, полагали сотрудники ЦМН вслед за своими коллегами рубежа XIX–XX вв., сформировать только во время экспедиций. В.В. Богданов писал: «Особенно важно собрать коллекции во время экспедиций, так как только такие коллекции могут иметь достоверное научное описание, и поэтому только они отвечают требованиям современного музееведения»⁴³.

Эта точка зрения разделялась всеми сотрудниками музея. Некоторые разногласия вызывал лишь вопрос о критериях отбора памятников. В.В. Богданов, Б.А. Куфтин, Н.А. Лебедева и Е.М. Шилинг полагали, что в музей должны поступать вещи, обладающие ярко выраженными этническими чертами, преимущественно памятники старины. Б.А. Куфтин писал, что для этнографа прежде всего должны быть «интересны архаические памятники культуры, в том числе и вещевые, продолжающие жить в народном быту»⁴⁴. Такой подход к отбору экспонатов был обусловлен представлениями этих ученых о предметной области и задачах этнографии. Они считали ее исторической дисциплиной,

изучающей «этнические формации» (народы или их части – этнические группы), каждая из которых имеет своеобразный облик, сложившийся в ходе ее уникальной истории. Задачей этнографов является изучение истории «этнической формации», т.е. ее этногенеза и этнической истории, которую можно решить, изучая современное состояние культуры народа⁴⁵. Это возможно потому, что своеобразная культура современных народов сложилась в результате взаимодействия различных «племенных и культурных типов»⁴⁶. Выделяя их из традиционной культуры современных народов, располагая по временным слоям и прослеживая ареал их бытования, можно с большой точностью восстановить «исторические судьбы населения, жившего на изучаемой территории, определить «колониционные потоки и этнические группировки исторического и доисторического прошлого»⁴⁷. В этой работе, по мнению исследователей, надо опираться в первую очередь на изучение предметного мира. Вещи отличаются индивидуальностью и неповторимостью, долго сохраняют свой облик и ареал бытования. Они, по словам Б.А. Куфтина, являются своеобразным ключом «для выделения древней структуры области и выделения исходных форм и наслоений в культуре той или иной группы населения»⁴⁸. Из всех предметов народного быта особенно важным для решения вопросов этногенеза и этнической истории Б.А. Куфтин, Н.А. Лебедева и В.В. Богданов считали традиционный костюм, который «после языка, на известных ступенях народного быта <...> является наиболее ярким этническим признаком» и позволяет «вскрыть этническую структуру области, направления, куда тяготеют отдельные ее части, и, наконец, процесс смены форм в связи с образованием областного типа»⁴⁹. Однако для такой работы годились только вещи старинные, этнически маркированные.

Б.М. Соколов и его сторонники полагали, что главной задачей этнографии является изучение народной жизни во всем ее многообразии и полноте. Соответственно они считали, что этнографические музеи должны отбирать как вещи национально-своеобразные (термин этнос и производные от него ими не употреблялись), так и предметы урбанистической культуры, вошедшие в народную жизнь⁵⁰. При этом требовалось обращать внимание не столько на памятники старины, сколько на памятники «живого быта». В 1929 г. Б.М. Соколов писал, что «при подборе коллекции в их музейной экспозиции является установка на всестороннее отражение трудовой жизни народов во всем разнообразии трудовых форм и промыслов; не праздничная, парадная сторона жизни интересует, таким образом,

музей, а трудовые будни народов, их хозяйственные навыки». Ориентация же только на памятники традиционной культуры, да еще к тому же на памятники старины, ведет к дезинформации исследователей и дает посетителям музея неверное представление о подлинном хозяйственном и бытовом укладе народа, как в прошлом, так и настоящем»⁵¹.

Разные точки зрения на критерии отбора памятников не вызвали больших разногласий в музее. Каждый музейный этнограф понимал, что главная его задача – сформировать научное собрание, которое можно использовать как в исследовательских, так и просветительских целях.

Разработанная музейными этнографами концепция последовательно проводилась в жизнь. Прежде всего, была полностью воплощена идея о комплектовании коллекций через экспедиции. Впервые за почти семьдесят лет своего существования музей ежегодно, несмотря на слабое финансирование, организовывал по 10–12 экспедиций в разные регионы страны. В период с 1925 по 1929 г. включительно было проведено 55 научных экспедиций в северорусские и южнорусские области, в Поволжье, Белоруссию, Украину, Молдавию, на Северный Кавказ, в Закавказье, Крым, Среднюю Азию и Сибирь⁵². Большинство из них направлялось к тем народам или этническим группам, которые были мало изучены, слабо представлены в собрании музея, а также к тем, культуру которых предполагалось показывать на планируемых к открытию экспозициях. В задачу каждой экспедиции входил сбор экспонатов для пополнения музейного собрания и всестороннее изучение культуры народа по специально разработанным для каждого региона программам. При этом особое внимание, естественно, уделялось изучению материальной сферы жизни.

Среди экспедиций были как комплексные, продолжительностью несколько полевых сезонов, с количеством участников от двух-трех до восьми-десяти человек, так и экспедиции небольшие, около месяца, с двумя-тремя участниками. Комплексные экспедиции предполагали полное этнологическое обследование одного народа или нескольких малых народов/этнических групп, живущих на одной достаточной большой территории, по специально составленной программе, с обязательным отбором экспонатов для музея. Оно предполагало также археологические раскопки на изучаемой территории, материалы которых должны были помочь в решении вопроса о происхождении народов и их этнической истории.

Одной из таких экспедиций была Восточно-финская, длившаяся четыре года, с 1925 по 1928 включительно, под общим руководством Б.М. Соколова. Она была направлена на изучение финно-угорских народов Поволжья и состояла из двух отрядов: этнологического, возглавлявшегося М.Т. Маркеловым (1899–1937), и палеоэтнологического во главе с Б.С. Жуковым (1892–1932). Этнологический отряд обследовал марийцев, удмуртов (1925), мордву (1926) и терюхан (1927–1928) на территории Марийской и Вотской автономий, Вятской, Нижегородской и Ульяновской губерний. Палеоэтнологический проводил археологические раскопки в Нижегородской и Пензенской губерниях, а также в Марийской автономной области⁵³. Другой такой же была Тунгусская этнолого-антропологическая экспедиция, проходившая в 1927 и 1928 гг. Ее руководителем был Б.А. Куфтин, а участниками – этнологи Б.А. Васильев (1899–1976), М.Г. Левин (1904–1963), художник В.А. Вагагин (1883–1969) и антропологи Я.Я. Рогинский (1895–1987) и А.Н. Покровский. Экспедиция работала среди оленных эвенков, орочей, удэгейцев, нанайцев, ульчей, нивхов, ороков на северном побережье Байкала, в нижнем Приамурье и на Сахалине.

Обе экспедиции были чрезвычайно результативны: был привезен большой этнографический и палеоэтнологический материал. Восточно-финская экспедиция дала музею большое количество орудий труда ремесленников, костюмов и предметов быта. Собрание экспонатов финно-угорского отдела увеличилось почти в два раза и достигло к 1929 г. 6000 ед. хр.⁵⁴. В Тунгусской экспедиции за два года было приобретено 500 экспонатов, принадлежавших орокам Сахалина и характеризующих их оленеводство, рыболовство, костюм, искусство резьбы и медвежий праздник, а также предметы быта эвенков, нанайцев, удэгейцев и нивхов, в том числе и шаманские принадлежности; было сделано 400 фотографий⁵⁵. Одной из результативных экспедиций, длившейся четыре года (1925–1928), была экспедиция в Полесье (районы, пограничные Калужской, Брянской, Смоленской и Гомельской губерниям), возглавляемая Н.И. Лебедевой. Она проводилась совместно с музеем Центрально-промышленной области, ее участниками в разные годы были В.П. Никольская, Е.П. Ульянова, Э.Г. Шацкая, А.Г. Данилин, Е.П. Пятницкая. Объектом их исследования была локальная группа полехов. Главной задачей экспедиции было собрать материал, позволяющий выяснить происхождение и этническую историю этой группы русско-украинско-белорусского населения и выявить ее характер-

ные черты. Комплексные экспедиции, работа которых должна была проходить на обширной территории с многонациональным населением, планировались и на будущие годы. В 1929 г. была создана Закавказская экспедиция, три отряда которой начали работу с изучения населения Аджарии, Кахетии, Северной Карталинии, Месхетии. Ее участниками были Е.М. Шилинг и Е.Р. Бинкевич, Б.А. Куфтин, В.А. Ватагин, М.С. Плисецкая. Экспедиция должна была проходить в течение четырех полевых сезонов. В этом же году была организована большая экспедиция в Хиву для изучения кустарных промыслов, сельского хозяйства, жилища и домашнего быта, которая должна была иметь продолжение в следующие годы. В ней работали В.Ю. Крупянская (1897–1985), А. Дэвлет, Е.Т. Воеводская и студенты МГУ.

Экспедиции, длившиеся короткое время – от двух недель до полутора месяцев, обычно не были столь масштабными: исследования проводились на меньшей территории, объектом изучения был один небольшой народ или этническая группа, сбор информации ограничивался в большинстве своем отдельными темами. Однако и в этих экспедициях обязательным считалось комплектование коллекций музея. При этом для многих экспедиций сбор экспонатов и информации к ним ставился главной задачей. Кроме этого в музее организовывались так называемые контрольные экспедиции, главной задачей которых было составление легенды к экспонатам, собранным во второй половине XIX – начале XX в. Они шли в русле общей работы музея по аннотации вещей из старых коллекций, ставших необходимыми для создания новых экспозиций.

Итоги работы Центрального музея народоведения по комплектованию фондов в 20-е г. были впечатляющими. К 1 января 1929 г. его собрание увеличилось в два раза по сравнению с началом 1920-х гг.⁵⁶. В него были включены памятники культуры многих народов России, в том числе и тех, которые раньше не были в нем представлены, например, болгары колонисты Крыма, орочи, ороки и др.; были собраны коллекции с территорий, плохо обследованных в предшествующее время. Примером может служить русско-украинское Полесье, тщательно изученное Н.И. Лебедевой, Рязанская Мещера, в которой работал отряд под руководством Б.А. Куфтина, и др.

Экспонаты, поступившие за это время в музей, отличались большим тематическим многообразием. В собрание входили предметы, характеризовавшие хозяйственную жизнь народов, их домашний быт, одежду, верования. Особенно много в фонд музея было принято

вещей, характеризующих традиционные занятия народов: оленеводство, охоту, земледелие, прядение, ткачество, гончарство и пр. Среди экспонатов было много вещей старинных, почти исчезнувших из быта населения, датируемых началом XIX в., и предметов традиционного типа, изготовленных уже в XX в. Все они были этнически выразительны и хорошо демонстрировали особенности культуры того или иного народа. Предметов, дающих представление об урбанистических формах культуры, о необходимости приобретения которых настаивал Б.М. Соколов, в собрании было мало. Даже сам инициатор их поступления в музей привозил из экспедиций в основном вещи традиционного типа⁵⁷. Все памятники культуры, собранные в тот период времени, имели хорошие аннотации, составленные в экспедициях непосредственно со слов владельцев вещей.

К концу 1920-х гг. Центральный музей народоведения превратился в крупный центр этнографической науки страны, а его собрание памятников традиционной культуры народов СССР – в одно из лучших музейных собраний РСФСР. Этому способствовал удачно подобранный штат сотрудников – профессиональных этнографов, их добросовестное отношение к делу, финансирование со стороны государства и наличие достаточного помещения для хранения коллекций и размещения экспозиций.

Жизнь Центрального музея народоведения изменилась в 1930-е гг. Постановлением Президиума ВЦИК от 17 декабря 1934 г. он был преобразован в Государственный музей народов СССР с изменением профиля и программы деятельности⁵⁸. Из историко-этнографического музея он превратился в музей общественно-исторический, музей национальной политики, главной задачей которого стал «показ результатов национальной политики диктатуры пролетариата, показ уничтожения неравенства национальностей, индустриализации отсталых районов и расцвета национальных культур»⁵⁹. Эти изменения произошли в связи с изменением общественно-политической ситуации в стране на рубеже 1929–1930 гг., когда был провозглашен курс на ускоренное строительство социализма, который, по мнению партийных идеологов, мог стать успешным лишь после перестройки общественного сознания и принятия всем обществом марксистских идей. Музеи, наряду с театром, кино, радио, должны были стать рупором нового марксистского мировоззрения, «гигантским конденсатором, гигантским орудием для перестройки мировоззрения на началах диалектического материализма»⁶⁰.

Преобразование музея сопровождалось «изгнанием из музея враждебных установок старой этнографии», а вместе с ними и их носителей – «старых спецов». После смерти в 1930 г. Б.М. Соколова были арестованы в период с 1930 по 1937 г. В.В. Богданов, Б.С. Жуков, Б.А. Куфтин, Н.И. Лебедева, М.Т. Маркелов, К. Герд, уволены Ю.А. Самарин, С.А. Токарев, С.П. Толстой. Задачу «борьбы за новый музей <...> новые музейные экспозиции, построенные на принципах материалистической диалектики», предлагалось решать новым «марксистски подкованным» людям, «выдвинутым из самой гущи народных масс, из среды рабочих и крестьян»⁶¹.

Изменение профиля музея и его задач, появление в музее новых сотрудников привели к пересмотру концепции комплектования фондов. Основной его целью отныне стал отбор экспонатов для принципиально новых экспозиций, посвященных успехам социалистического строительства в советских республиках, демонстрируемым на фоне тяжелого прошлого их народов. Известный этнограф С.М. Абрамзон писал, что музейные работники должны показать «на подлинном этнографическом материале, собранном специальными этнографическими экспедициями, <...> расцвет культуры и быта национальной Союза, расцвет, который создается лишь в условиях счастливой и зажиточной жизни»⁶². Соответственно этому в экспедициях, организованных в эти годы на Украину, в Белоруссию, Армению, Грузию, Азербайджан, собирались в основном или предметы городского образца, свидетельствовавшие об успехах государства в преобразовании старого бытового уклада, или произведения народного искусства с новой тематикой, демонстрировавшие расцвет народных культур «национальных по форме, социалистических по содержанию». Традиционных вещей приобреталось мало, так как считалось, что их

уже достаточно собрано для показа тяжелого прошлого народов Российской империи. Новое направление в комплектовании фонда Музея народов СССР полностью отвечало требованиям государства. В конце 1939 г. в Постановлении коллегии Наркомпроса РСФСР об этом говорилось так: «Музей находится на правильном пути развития и должен поставить целью своей дальнейшей работы отразить наиболее полно и ярко все основные стороны политической, экономической и культурной жизни населяющих Советский Союз народов»⁶³. Эта задача выполнялась музеем и в первые годы после окончания Великой Отечественной войны. Комплектование коллекционного фонда музея окончательно прекратилось в 1947 г., когда встал вопрос о передаче его коллекций в Ленинград.

Проделанный в статье источниковедческий анализ собрания вещевых памятников Музея народов СССР (колл. РЭМ 8761, 8762, 8763) затронул только внешние признаки этого важнейшего источника научных знаний: историю его формирования, методы и программы комплектования, критерии отбора вещей и информации о них. Следующим этапом этого анализа должна стать работа с содержанием вещевого фонда, т.е. непосредственно с вещами или группой вещей, входящих в него. Это предполагает выяснение или уточнение этнической принадлежности памятников, их назначения в повседневном или праздничном обиходе, определение времени и места происхождения памятников, т.е. составление легенды на предметы, не имевшие или утратившие ее. Такая работа достаточно сложна и требует для своего выполнения значительного количества квалифицированных этнографов. Только после проведения всех этих работ вещевого фонд Музея народов СССР может быть полноценным источником для этнографической науки.

¹ ГАРФ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 242. Л. 33; АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

² АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 982. Л. 1. Передача собрания Музея народов СССР в Ленинград была вынужденной мерой: помещение, в котором хранились экспонаты, находилось в аварийном состоянии. Московское правительство сочло перевод его в Ленинград наилучшим выходом из сложившейся ситуации. Более подробно см.: Ипполитова А.Б. История музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2.

³ Разница между переданным количеством вещей в музей в 13 548 ед. хр., имеющимся в данный момент в РЭМ, объясняется иной системой учета, принятой в нем. Анализ иллюстративного фонда МН СССР, зарегистрированного под № 8764, в работе не проводится.

⁴ Московский Публичный и Румянцевский музей был создан указом императора Александра II 23 мая 1861 г. на базе учебных кабинетов Московского университета и переведенного из Петербурга «Румянцевского музеума», учрежденного 28 мая 1831 г. в Петербурге

- по завещанию государственного канцлера Н.П. Румянцева. Положение о музее было принято 19 июля 1862 г. Дашковский этнографический музей был его отделом.
- ⁵ Этнографическая выставка 1867 г. ИОЛЕАЭ, состоящего при Императорском Московском университете // Известия ИОЛЕАЭ. – Т. XXIX. – Вып. 1. – М., 1878. – С. 15.
- ⁶ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // ЗРГО. – Кн. 2. – 1847. – С. 67.
- ⁷ Инструкция собирания предметов для Русской этнографической выставки и Русского музея, устраиваемых Обществом любителей естествознания // Известия Антропологического отделения Общества любителей естествознания, состоящего при Московском университете. – Т. 1. – М., 1865. – С. 11.
- ⁸ Миллер В.Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. – Вып. 1. – М., 1887. – С. VII.
- ⁹ Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1867–1869 гг. – М., 1871. – С. 196; АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 15. Л. 8 об.
- ¹⁰ Этнографическая выставка 1867 г. // Известия ИОЛЕАЭ. – Т. XXIX. – Вып. 1. – М., 1878. – С. 2; Материалы для истории Антропологической выставки 1879 г. // Известия ИОЛЕАЭ. – Т. XXXI. – 1878. – С. 107.
- ¹¹ Максимов С.В. Этнографическая выставка в Москве // Голос. – 1867. – № 182.
- ¹² Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве. 1862–1912. Исторический очерк. – М., 1913. – С. 36, 37.
- ¹³ Материалы для истории Антропологической выставки 1879 г. // Известия ИОЛЕАЭ. – Т. XXXI. – 1878. – С. 107. Антропология ими рассматривалась как наука о народах, его физических свойствах и внешнем быте.
- ¹⁴ Барсов Е.В. Значение Дашковского этнографического музея и его задачи // Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1879–1882 гг. – М., – 1884. – С. 125–129.
- ¹⁵ Токарев С.А. История русской этнографии. – М., 1966. – С. 406–409.
- ¹⁶ Миллер В.Ф. Николай Николаевич Харузин. 25 марта 1900 г. // Этнографическое обозрение. – 1900. – № 2. С. – 1–14.
- ¹⁷ Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России // Известия ИОЛЕАЭ. Этнографический отдел. – Т. XIX. – 1890. – Кн. XI – Вып. 1; Иваницкий Н.А. Сольвычегодский крестьянин: его обстановка. Жизнь и деятельность // Живая старина. – Вып. 1. – Отд. 1. – 1898. – С. 30–71.
- ¹⁸ Цит. по: Богданов В.В. Этнография в истории моей жизни. – М., 1993. – С. 13.
- ¹⁹ Горбачева В.В., Карапетова И.А. Айнские коллекции в собрании РЭМ // Санкт-Петербург – Япония. XVIII–XXI. – СПб., 2012. – С. 376, 377.
- ²⁰ Путеводитель по Этнографическому отделу Московского Публичного и Румянцевского музеев. – М., 1908. – С. 66.
- ²¹ АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.
- ²² Там же.
- ²³ Турьинская Х.М. Этнографическое музееведение в России в конце XIX – начале XX в. – М., 2008. – С. 54.
- ²⁴ Там же. – С. 51–56.
- ²⁵ Хроника // ЭО. – 1911. – № 1–2. – С. 321, 322.

- ²⁶ Яковлев Н.Ф. Материалы по одежде донских казаков // ЭО. – 1916. – № 1–2. – С. 43–55.
- ²⁷ Елеонская Е.Н. Женский костюм пригородных деревень г. Козельска // ЭО. – 1908. – № 3. – С. 99–101; Она же. Крещение и похороны кукушки в Тульской и Калужской губерниях // ЭО. – 1912. – № 1–2. – С. 146–154.
- ²⁸ Пятидесятилетие... Указ. соч. – С. 173.
- ²⁹ Горбачева В.В. Из истории комплектования В.И. Иохельсоном коллекций по народам северо-востока Сибири // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв. – СПб., 2002. – С. 89–92; Богданов В.В. Новый научный дар Дашковскому этнографическому музею // ЭО. – № 1–2. – С. 315–317.
- ³⁰ Богданов В.В. Новый научный... Указ. соч. – С. 317.
- ³¹ Он же. Краткий каталог коллекций, собранных В.И. Иохельсоном на Камчатке и Алеутских островах во время экспедиции 1908–1911 годов. – М., 1914.
- ³² Янчук Н.А. Дашковский этнографический музей // Пятидесятилетие... Указ. соч. – С. 177.
- ³³ 25-летие бессменного председательства в Этнографическом отделе ИОЛЕАЭ профессора Всеволода Федоровича Миллера // ЭО. – 1907. – № 1–2. – С. 255.
- ³⁴ Шангина И.И. Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга. История и проблемы комплектования. – СПб., 1994. – С. 32, сн. 77.
- ³⁵ Богданов В.В. Выделение этнографии из Румянцевского музея // ЭО. – 1910. – № 1–2. – С. 169–174.
- ³⁶ ЦГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 116. Л. 5.
- ³⁷ Там же. Оба музейных здания впоследствии были переданы Академии наук СССР: в 1934 г. – Нескучный дворец, в 1943 г. – Мамонова дача. Музею было предоставлено сначала помещение школы, находившееся в аварийном состоянии, а в январе 1947 г. – церковь Симеона Столпника за Яузой.
- ³⁸ Материалы по истории Антропологической выставки 1879 г. // Известия ИОЛЕАЭ. – Т. XLIX. – Вып. 2. – 1886. – С. 103.
- ³⁹ Ипполитова А.Б. История музея народов СССР в Москве // ЭО. – 2001. – № 2. – С. 145.
- ⁴⁰ АМАЭ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.
- ⁴¹ Там же. – Д. 100. Л. 5.
- ⁴² Там же. – Л. 6: Куфтин Б.А. Задачи и методы полевой этнологии.
- ⁴³ АИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11. Л. 27 об.
- ⁴⁴ Куфтин Б.А. Материальная культура русской мещеры // Труды Государственного музея ЦПО. – Вып. 3. – 1926. – С. 6.
- ⁴⁵ Эта точка зрения изложена Б.А. Куфтиным в 1929 г. на Совещании этнографов и археологов Москвы и Ленинграда в докладе «Задачи и методы полевой этнологии», см.: АМАЭ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 100. Л. 1, 2.
- ⁴⁶ Куфтин Б.А. Материальная культура... Указ. соч. – С. 5.
- ⁴⁷ Лебедева Н.И. Материалы по народному костюму Рязанской губернии // Труды общества исследователей Рязанского края. – Вып. XVIII. – 1929. – С. 4.
- ⁴⁸ Куфтин Б.А. Задачи, методы, достижения в изучении костюма ЦПО // Вопросы этнологии ЦПО. Первое этнологическое совещание по Центрально-промышленной области при Государственном музее ЦПО. 29–30 марта 1926 г. – М., 1927. – С. 36.
- ⁴⁹ Там же. – С. 33, 34.

- ⁵⁰ Соколов Б.М. Построение и деятельность советских этнографических музеев // СЭ. – 1931. – № 4. – С. 125–135.
- ⁵¹ ЦГАЛИ. Ф. 483. Оп. 1. Д. 3045. Л. 3.
- ⁵² Ипполитова А.Б. История Музея... Указ. соч. – С. 148.
- ⁵³ Шиллинг Е.М. Государственный центральный музей народоведения в Москве в 1926 г. // Этнография. – 1927. – № 1. – С. 210; Он же. Государственный центральный музей народоведения // Этнография. – 1928. – № 2. – С. 134, 135.
- ⁵⁴ Ипполитова А.Б. История Музея... Указ. соч. – С. 152.
- ⁵⁵ АМАЭ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 41. Л. 50.
- ⁵⁶ Ипполитова А.Б. История музея... Указ. соч. – С. 152.
- ⁵⁷ Шангина И.И. Русский фонд этнографических музеев... Указ. соч. – С. 100, 101.

- ⁵⁸ ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 1500. Л. 1.
- ⁵⁹ Милонов Ю. Целевые установки музеев различного типа // Первый Всероссийский музейный съезд: Тез. докл. – М., 1930. – С. 4.
- ⁶⁰ Приветствие съезду союза безбожников // Труды Первого Всероссийского музейного съезда. Протоколы пленарных заседаний. 1–5 декабря 1930 г. – Т. 1. – 1931. С. 22.
- ⁶¹ Письмо-приветствие А.С. Бубнова Первому Всероссийскому музейному съезду // Там же. – С. 19.
- ⁶² Абрамзон С.М. Итоги заседания по вопросам этнографии и фольклора народов СССР // СЭ. – Т. 2. – 1939. – С. 9.
- ⁶³ АРЭМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.